

**Рец. на кн.: Merl S. Politische Kommunikation in der
Diktatur. Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich
(Göttingen: Wallstein Verlag, 2012. 184 S.)**

Рецензия на книгу немецкого исследователя, специалиста по истории советского крестьянства и аграрной политики СССР Ш. Мерля «Политическая коммуникация при диктатуре. Германия и Советский Союз в сравнении» (2012).

Ключевые слова: диктатура, политика, Германия, СССР, сравнительный анализ.

Книга профессора Штефана Мерля посвящена проблеме, имеющей не только научную, но и общественно-политическую актуальность. Ученые давно выяснили, что ни одна из диктатур XX века не основывалась только на терроре и репрессиях. Концепции «консенсусной» (Детлеф Пойкерт) и «партиципационной» (Мэри Фалбрук) диктатур подчеркивают, что власть могла рассчитывать если не на активную поддержку населением своей политики, то, по меньшей мере, на терпимое отношение «молчаливого большинства» граждан к преследованиям «врагов», дефициту потребительских товаров и другим очевидным порокам системы. Необычайно устойчивыми оказались ценности, привитые населению диктаторскими режимами, что ощущается как в новых федеральных землях ФРГ, так и в постсоветской России. Это свидетельствует о важности сравнительного анализа повседневных стратегий подчинения в Германии и Советском Союзе, предпринятого автором.

Хронологические рамки книги охватывают время с начала 1930-х до конца 1980-х гг., что позволяет автору сравнить четыре диктаторских государства: Советский Союз до и после смерти Сталина, гитлеровскую Германию и ГДР. Автор намеренно не рассматривает вопрос о классификации политических режимов в СССР после 1953 г. и Восточной Германии как тоталитарных или авторитарных, применяя понятие «диктатура» только к стратегии коммуникации (S. 11). Диктатуры не допускали свободного обсуждения вопросов, которые считали политическими, и осуществляли строжайший контроль над общественной коммуникацией. Одновременно они рассматривали коммуникацию как средство легитимации собственного господства и потому придавали большое значение вовлечению граждан в контакт с режимом. На этом основан авторский подход, позволяющий исследовать способность политических систем к преобразованию с использованием политической коммуникации (S. 12). Выдвигаемая Мерлем гипотеза состоит в том, что в период своего становления диктатуры прибегали к насилию и террору, а затем оказывали

долгосрочное влияние на поведение граждан. Это давало возможность властителям укреплять свое господство и преодолевать свойственную диктатурам неэффективность организационных форм (S. 15-16).

В книге последовательно проанализированы: конструирование диктаторскими режимами коллективной идентичности; коммуникативные техники, предназначенные для защиты этой идентичности от критики; механизм укрепления диктатуры путем непубличного канала коммуникации – адресованных власти писем, прошений и доносов; способы, которыми диктатуры осуществляли передвижку границ между дозволенным и недозволенным; расстройство сложившейся системы политической коммуникации и крах коммунистических диктатур в конце 1980-х гг. Последовательность выделенных автором проблем отражает «жизненный цикл» диктатур, что дает читателю возможность отслеживать хронологию событий.

Ш. Мерль проанализировал огромный массив фактического материала, значительную часть которого составляют введенные автором в научный оборот архивные документы, относящиеся к истории Советского Союза и ГДР. Помимо коммуникационной теории пропаганды (Никлас Луман, Тимиан Буссермер), которая послужила главной теоретико-методологической основой исследования, Ш. Мерль опирается на системную теорию в политологии (Вольфганг Меркель), теорию речевых актов (Джон Остин, Джон Серл), разработанную Элизабет Ноэль-Нойман концепцию «спирали молчания», концепцию социального порядка Бернхарда Гизена и концепцию Андреаса Лангенюля о коммуникативной блокаде обучения при диктатурах. Применение междисциплинарного подхода для сравнительного анализа диктатур дало очень интересные результаты, корректирующие представления ученых-обществоведов о диктаторских режимах.

В первой главе книги рассматриваются условия формирования новой коллективной идентичности при диктатурах. К ним автор относит неуверенность людей в дальнейшем существовании, патерналистское понимание господства и убедительные сценарии внешних угроз. В начале 1930-х гг. Советский Союз и Германия переживали период хаоса, насилия и политической нестабильности, связанный для населения с заботами о собственном выживании. В СССР люди лишались прежней коллективной идентичности в связи с политикой форсированной индустриализации и культурной революцией, в Германии – вследствие острого политического и социально-экономического кризиса Веймарского государства. Новая фаза установления диктаторского господства в Восточной Европе после Второй мировой войны также характеризовалась

глубокой неуверенностью в будущем из-за военного поражения и/или подчинения советскому засилью. В этих условиях масса становилась восприимчивой к пропаганде, обещавшей не только решение текущих проблем, но и построение в отдаленной перспективе счастливого будущего, «рая». Каждому человеку предлагалось «добровольно» включиться в новую коллективную идентичность, но на практике свобода выбора была мнимой - населению было прекрасно известно, что происходит с теми, кто не входит в новое общество: в нацистской Германии жестоко преследовали коммунистов и евреев, в СССР – «кулаков» и «буржуазных» специалистов, в странах Восточной Европы – коллаборационистов и военных преступников. В этой обстановке срабатывал закон «спирали молчания» - было безопаснее пассивно подчиниться новому режиму, нежели активно сопротивляться ему (S. 27-30).

Диктатуры опирались на традиционное патерналистское представление населения о государственной власти. Например, в России традиция патерналистского господства выражалась в культе царя и мифе о справедливом властителе. Как в СССР, так и в Германии масса населения ассоциировала демократию с политической нестабильностью и не видела ничего плохого в подчинении сильному вождю. Патерналистское представление о власти помогало людям не замечать противоречия между обещаниями «райского» будущего и неспособностью диктатур удовлетворить повседневные потребности населения в настоящем (S. 31-32).

Коллективная идентичность диктатур была невозможна без веры подданных в существование врагов, которым власть всегда давала социальную маркировку и одновременно представляла их как агентов иностранных государств. Властителям легко удавалось направить массы населения на «всемирное еврейство», «кулаков», «империалистов», «поджигателей войны» или «закоренелых нацистов». Особенность коммунистических диктатур состояла в том, что в случае необходимости они превращали в козлов отпущения большую часть собственных функционеров. Подобная практика была возможна благодаря старому мифу о царе, который не может творить добро из-за некомпетентности и продажности своих слуг (S. 32-38).

Национал-социалисты предложили немцам коллективную идентичность в виде «народного сообщества», представления о котором опирались на миф о единстве немецкого народа перед лицом внешнего врага в начале Первой мировой войны. Сталин, будучи «прилежным диктатором» (Ганс Моммзен), внимательно наблюдал за Германией и осознал изъян своей диктатуры. Конституция 1936 года провозгласила формирование новой общности – «советского народа». Основой кол-

лективной идентичности ГДР служил антифашизм. Для сохранения коллективной идентичности все диктатуры осуществляли строгий контроль над общественной коммуникацией, исключая из публичного обсуждения вопросы, которые считали «политическими», и вынуждая участников коммуникативного процесса пользоваться «новоязом» (Джордж Оруэлл) (S. 39-47).

В главе, посвященной способам защиты коллективной идентичности от критического осмысления, Мерль анализирует функции ритуалов, культа вождя, собраний и выборов. Диктатуры придавали большое значение ритуалам, поголовное участие в которых свидетельствовало о включении каждого гражданина в коллективную идентичность. Ежегодную повторяемость ритуалов обеспечивал официальный календарь торжеств, состоявший из подвергшихся новому истолкованию традиционных праздников (Рождество, 1 Мая) и новых праздников, связанных с важными датами в истории правящей партии. Гитлеровская и сталинская диктатуры видели в мужчине прежде всего воина («День поминовения героев», «День Красной Армии и Флота»), но по-разному представляли гендерную роль женщины: «Международный женский день» выражал претензию на ее эмансипацию, а «День германской матери», напротив, культивировал традиционные представления. Сталин сознательно отказался от специального праздника, предназначенного для колхозников, в то время как национал-социалисты чествовали крестьянство во время «Праздника урожая». С 1965 г. особое место в советском календаре торжеств занял «День Победы», превратившийся в современной России в главный государственный праздник. Организуя такие празднования, диктатуры не считались с материальными затратами, сопровождали торжества премированием и вручением наград. Власть приурочивала к праздникам специальные достижения, причем Гитлер предпочитал внешнеполитические успехи, а Сталин делал акцент на технических рекордах. Организация празднований в СССР достигла своего совершенства при Брежневе (S. 49-58).

Сохранению коллективной идентичности способствовал культ вождя. Патерналистское представление о вожде как защитнике и благодетеле помогало населению мириться с несоответствием между обещаниями режима и реальными условиями жизни. Граждане приписывали все успехи лично вождю и верили, что он ничего не знает о недостатках и нарушениях, а когда узнаёт, сурово наказывает виновных. В нацистской Германии была широко распространена фраза «если бы фюрер знал об этом», а в Советском Союзе крестьяне ставили портрет Сталина в крас-

ном углу рядом с иконами. Культ Гитлера как избавителя и проводника в землю обетованную оказался не столь пригоден для длительного сохранения диктатуры, как посмертный культ Ленина. Поклонение уже покойному вождю позволило советскому режиму выдержать грубые просчеты Хрущева. Каждый новый советский руководитель мог преподносить изменения в политике как возвращение к ленинским нормам (S. 59-64).

С целью обсуждения политических вопросов под строгим контролем властей диктатуры организовывали собрания граждан. Эти собрания представляли собой ритуал, который заканчивался единогласным одобрением заранее предложенного «мудрого» решения вождя. Открытое голосование поднятием рук приводило в действие «спираль молчания» - ведь проголосовать против любого, пусть и малозначимого решения означало публично признать себя противником власти. Поэтому на собраниях единогласно и внешне добровольно принимались даже такие решения, которые совершенно не устраивали большинство присутствующих. Принятое решение связывало всех присутствующих независимо от того, вели они себя пассивно или с воодушевлением выражали свое одобрение. Издержкой использования механизма собраний для инсценировки коллективной идентичности была невозможность вскрыть действительные проблемы и найти способы их устранения (S. 64-72).

Для демонстрации единодушной поддержки режима населением служили выборы, тоже проводившиеся в форме ритуала. Во время выборов в магазинах появлялись дефицитные товары, власти терпимо относились к употреблению алкоголя, а «те, кто явился на избирательные участки, вознаграждались концертом детского хора и куском колбасы». В день выборов было принято публично демонстрировать свое лояльное поведение с расчетом на продвижение по карьерной лестнице: граждане выстраивались в очереди задолго до открытия избирательного участка, не пользовались кабинами для сохранения тайны голосования, писали на бланках бюллетеней слова благодарности в адрес власти, а после опускания бюллетеня в урну зачитывали стихи с похвалами партии и государству. Подобные проявления консенсуса между народом и режимом делали излишней фальсификацию результатов выборов (S. 73-77).

Анализ способов защиты коллективной идентичности подводит автора к выводу об ошибочности теории тоталитаризма, согласно которой все подданные были инфицированы господствующей идеологией и являлись убежденными сторонниками режима. Если на этапе борьбы за власть тоталитарные партии стремились приобрести массы активных сторонников, то после прихода к власти задача менялась и сводилась к

обеспечению лояльности групп населения, далеких от господствующей идеологии. Для обеспечения стабильности режима не требовалась фанатичная вера большинства в его идеалы, было достаточно беспрекословного подчинения граждан распоряжениям властей (S. 76-81).

В главе о письмах и прошениях граждан, адресованных власти, констатируется, что строгое ограничение тематики публичной коммуникации при диктатурах вызывало необходимость обсуждать в письмах вождю самые разные темы, считавшиеся «неполитическими». Этот коммуникационный канал давал твердую гарантию того, что обмен информацией между властителем и подданными будет доверительным и до всего населения через контролируемые диктатором СМИ будет доведена только избранная часть информации. Оптимально пригодной для обсуждения в письмах была тема потребления, которая считалась «неполитической». Письма вождю выполняли политическую функцию, позволяя гражданам считать, что власть интересуется не только условиями их жизни, но и их мнением. Примерно половина писем не преследовала иной цели кроме выражения благодарности властителю и преклонения перед ним. Другая половина касалась удовлетворения конкретных нужд: улучшения жилищных условий, получения места в детских яслях или запчастей для автомобиля, улучшения уличного освещения или снабжения товарами в местных магазинах, организации нового автобусного маршрута. Если же речь заходила об общих вопросах общества - пьянстве, недостаточном надзоре за молодежью, спекуляции, ужесточении наказаний для преступников и хулиганов, - то режим просто принимал эти мнения к сведению. На письма, в которых высказывалось пожелание выполнения официальных норм, давались неопределенные ответы без рассмотрения сути вопроса. Письма к власти стабилизировали диктатуру, возлагая вину за недостатки на конкретных исполнителей. Они служили каналом обратной информации о воздействии пропаганды, своевременно уведомляя властителя о том, что недовольство населения достигло опасного уровня. Письма были важным средством контроля над местными функционерами, удерживая в известных границах практику злоупотребления служебным положением и личное обогащение. Наконец, анонимные письма от имени общества (народа, рабочих), содержавшие ругательства и проклятия в адрес властителя, отнюдь не были признаком «сопротивления», а выполняли функцию отдушины, позволяя удерживать критику режима вне сферы общественного внимания. Необходимой составляющей этого канала коммуникации был произвол диктатора – границы дозволенного и не-

дозволенного были размыты, а реакция властителя в каждом конкретном случае - непредсказуема. Коммуникация посредством писем и прошений выполняла свою функцию по стабилизации диктатуры до тех пор, пока помогала удерживать население от публичной артикуляции своих интересов и сплочения для их реализации (S. 82-100).

Глава о механизме изменения границ между дозволенным и недозволенным в условиях диктатуры основана на опровержении широко распространенного представления о том, что диктаторские режимы на практике выполняли официальные правила, которые они публично пропагандировали, и жестко карали нарушителей норм. Ш. Мерль утверждает, что власть диктатора покоилась на разрыве между словом и делом: от граждан требовалось лишь обещание соблюдать нормы, после чего они могли делать недозволенное и быть уверенными, что не подвергнутся наказанию. Так диктатуры осуществляли коррумпирование населения - делая нечто запрещенное, люди закрывали глаза на серьезные преступления, совершаемые властью. Нарушение одних норм должностными лицами и гражданами было условием самого существования диктатуры. Например, катастрофическая нехватка продовольствия в советской деревне не позволяла выполнить закон о драконовских наказаниях за кражи с колхозных полей. Добросовестное выполнение директорами предприятий предписаний о наказаниях за нарушение трудовой дисциплины привело бы к остановке промышленного производства в СССР, так как масса рабочих и служащих тратила часть рабочего времени на покупку дефицитных потребительских товаров. Нарушения других норм диктатуры терпели из опасения разрушить коллективную идентичность. Так, несмотря на строжайший запрет на прослушивание «вражеских радиостанций», более половины семей в гитлеровской Германии слушали зарубежные передачи. Власти ГДР примирились с тем, что масса населения смотрит западные телевизионные трансляции, и даже отменили свой запрет на установку коллективных антенн. Лишь наказания отдельных нарушителей напоминали населению, что оно делает нечто недозволенное (S. 100-110).

Чтобы обеспечить долгосрочную стабильность, диктатуры приспособлялись к меняющимся условиям и передвигали границы между дозволенным и недозволенным. Диктатор осуществлял небольшую передвижку границ единоличным решением, корректируя неформальные правила, в то время как формальные нормы не претерпевали изменений. Автор считает, что особенно заметными были перемены в политике Гитлера и Сталина во время Второй мировой войны. В частности, со-

ветский диктатор выдвинул на первый план не защиту коммунизма, а защиту Родины, назвав войну с Германией «Великой Отечественной». Советские власти не опровергали слухи о намерении распустить колхозы по окончании войны, прекратили гонения на Православную Церковь и в 1943 г. заключили с ней официальное соглашение (S. 111-114).

Национал-социализм и сталинизм представляли собой «мобилизационные диктатуры», которые опирались на культ вождя и сплачивали население, постоянно демонстрируя ему грандиозные успехи. После смерти Сталина Хрущев продолжил его стратегию обеспечения стабильности режима, начав кампании по освоению целинных земель и строительству коммунизма. Необдуманное обещание советского лидера построить «рай» в обозримом будущем показало, что мобилизационная стратегия сопряжена с опасностью для диктатуры. В результате Хрущев был смещен и объявлен козлом отпущения. Попытки Брежнева мобилизовать массы населения на строительство Байкало-Амурской магистрали и подъем Нечерноземья закончились провалом. Более эффективным инструментом оказались маленькие, но осязаемые для отдельного человека успехи в улучшении условий жизни, подтверждавшие, что диктатура по-прежнему преследует цель достижения «рая». Главным брежневским нововведением было включение в число основных официальных праздников Дня Победы. Отныне стратегией сохранения коллективной идентичности стала не мобилизация, а напоминание о прошлых достижениях, особенно о победе над фашизмом. «Мобилизационная диктатура» превратилась в «диктатуру воспоминаний», которая дала населению предсказуемость и покой (S. 114-120).

Перед всеми диктатурами стояла дилемма: с одной стороны, значительная часть населения требовала строго карать отклонения от официальных норм, с другой стороны, осуществление строгих запретов могло поколебать коллективную идентичность и способствовать политизации острых вопросов. Чтобы справиться с этой непростой задачей, диктатуры овладели искусством смотреть на неконформистское поведение сквозь пальцы. Именно это искусство позволило властителям привлечь на свою сторону молодежь. Например, национал-социалисты официально подвергали резкой критике джаз как «еврейскую» и «негритянскую» музыку, сурово карали ее отдельных поклонников и одновременно позволяли выпускать массовыми тиражами грампластинки с джазовой музыкой. Аналогичной линии в молодежной политике придерживались Сталин и его преемники, а также руководители СЕПГ. Последние практиковали и иные варианты поведения – пытались поставить неконформистскую

молодежь под свой контроль или, в редких случаях, прекращали борьбу с отклонением от нормы и интегрировали его в официальное представление о коллективной идентичности (S. 120-129).

После смерти Сталина коммунистические диктатуры сохранили принцип контроля над общественной коммуникацией, но изменили его методы, совершив переход от репрессий к профилактике. Приучение к политической дисциплине потенциально опасных лиц путем бесед и угроз в учебных заведениях и на рабочих местах было весьма эффективным, причем особенно действенным оказалось лишение шансов на карьерный рост. Только тогда, когда профилактические меры не срабатывали, диктатуры прибегали к более жестким действиям, вплоть до отправки нарушителей в психиатрические лечебницы и лишения гражданства (S. 129-131).

Все диктатуры допускали существование «частичной общности» - групп населения, не полностью растворившихся в новой коллективной идентичности. В СССР такой Группой являлось крестьянство, а в нацистской Германии – католики. Будучи нейтрализованными в политическом отношении, они не представляли никакой опасности для режима. Власти нацистской Германии, Советского Союза и ГДР шли на сделку с ними: религиозные сообщества обеспечили себе терпимое отношение режима, отказавшись от нападок на диктатуру (S. 131-136).

В книге подвергается критике истолкование возможности граждан «отступить в частную сферу» как одной из причин стабильности диктатур. Частная сфера, пишет Мерль, контролировалась диктатурой, была ее частью. «Отступление в частность», создание «общества ниш» было не уступкой населению, а осмысленной стратегией режима, направленной на отчуждение подданных от решения «политических» вопросов. При диктатуре семья и частная жизнь были политизированы, а политика – «фамилиаризована». Диктатор не только брал на себя роль отца-защитника от всех невзгод и угроз. Заботливый «папочка» давал семье советы по правильному ведению домашнего хозяйства, гигиене и организации досуга. В каждом советском доме имелась сталинская кулинарная книга «о вкусной и здоровой пище» (S. 140-143).

В завершающей главе книги автор предлагает свой взгляд на причины крушения политических режимов в Советском Союзе и ГДР. Он доказывает, что диктатуры были разрушены не снизу, а сверху. Основы их существования были подорваны тогда, когда властители отказались от контроля над общественной коммуникацией и позволили населению пуб-

лично обсуждать главные политические вопросы – правила общежития и отношения власти. Осмысление допущенных в прошлом ошибок имело следствием снятие «регрессивной блокады обучения» (Лангеноль), которая прежде не позволяла гражданам замечать расхождения между словом и делом. Конец советской диктатуры Ш. Мерль датирует мартом 1989 г., когда были впервые проведены альтернативные выборы делегатов съезда народных депутатов. Если в СССР коммуникативные принципы диктатуры были разрушены самим Горбачевым, то в ГДР причиной потери режимом контроля над общественной коммуникацией стала не политика Хонеккера, а попытка руководства СЕПГ сфальсифицировать результаты коммунальных выборов в мае 1989 г. Разработка партийной верхушкой собственной концепции реформ и подготовка к свержению Хонеккера осуществлялись уже в условиях потери доверия народа к власти. Как в Советском Союзе, так и в ГДР процесс политизации общественной коммуникации развивался деструктивно и не способствовал ни трансформации экономической системы, ни созданию прочных структур демократического общества. Автор завершает свой анализ констатацией того, что конец диктатуры не является одновременно началом демократии. Из общества «тех, кто ничего не знал» о преступлениях диктатуры, внезапно возникает новая коллективная идентичность – «общество молчания», в котором наложено строгое табу на обсуждение своего собственного поведения в годы диктатуры. Вероятно, предполагает Ш. Мерль, за этим запретом скрывается подавляемый стыд (S. 144-162).

Небольшая, но чрезвычайно емкая по содержанию книга Ш. Мерля, написанная с учетом новейших методологических достижений гуманитарных наук, имеет существенное научное и познавательное значение. Как и любая серьезная работа, монография немецкого историка заставляет читателя размышлять, открывать новые исследовательские горизонты, сомневаться и подвергать критике собственные устоявшиеся взгляды. Книга, несомненно, будет полезна историкам, политологам, социологам, философам, стремящимся осмыслить не столь отдаленное прошлое и настоящее Германии и России.

А. М. Ермаков

БИБЛИОГРАФИЯ

Merl S. Politische Kommunikation in der Diktatur. Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich. Göttingen: Wallstein Verlag, 2012. 184 S.

Ермаков Александр Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского; ermakov.a.m@mail.ru